

С. Ю. Витте

Самодержавие и земство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Ю. Витте**
Самодержавие и земство / С. Ю. Витте – М.: Книга по Требованию, 2013. –
256 с.

ISBN 978-5-458-14415-5

Конфиденциальная записка министра финансов статс-секр. С.Ю. Витте
(1899 г.). С предисловием и примечаниями Р.Н.С. Печатано "Зарей". Stuttgart,
I.H.W. Dietz nachf., 1901 год

ISBN 978-5-458-14415-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

„Можно ли по совѣти сказать, что всепоглощающая диктатура въ Россіи — окончательная форма ея гражданскаго устройства, вполне соответствующая ея гению? Не есть ли эта диктатура только оцѣка, оканчивающаяся съ совершеннѣйшемъ?“

(Герцень, „Колоколь“ 1-го декабря 1858 года.)

Предлагаемая читателямъ конфиденціальная Записка Министра Финансовъ статья - секретаря С. Ю. Витте составляетъ, какъ видно со стр. 1 и сл., одинъ изъ документовъ цѣлой полемики, возникшей между Министромъ Финансовъ и бывшимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Н. Л. Горемыкинымъ по поводу предположенія послѣдняго о введеніи земскихъ учреждений въ Западномъ краѣ.¹ Poleмика эта по своему содержанию и характеру значительно поднимается надъ обычнымъ уровнемъ пререканій между различными вѣдомствами, направляющими и „упорядочивающими“ жизнь русскаго государства и общества. Она трактуетъ не о какомъ либо отдѣльномъ и конкретномъ вопросѣ текущаго законодательства и управленія, но по поводу такого вопроса разсуждаетъ вообще о самомъ бытіи существующаго политическаго строя

¹ Должны предупредить читателя, что намъ попалъ въ руки небезупречный списокъ съ этого чрезвычайно тщательно скрываемаго документа, списокъ, который намъ пришлось подвергнуть обработкѣ, у филологовъ известной подъ названіемъ „конъектуръ“. Конъектуры эти, впрочемъ, ограничиваются возстановленіемъ, на основаніи тѣхъ или другихъ соображеній, нѣкоторыхъ пропусковъ и устраненіемъ явныхъ безсмыслицъ, вкрапившихся въ нашъ списокъ. Полагая, что неофициальное изданіе политическаго трактата г. Витте не требуетъ особенной филологической тщательности, мы считали излишнимъ каждый разъ оговаривать наши конъектуры. Тому же возстановлять мысль и текстъ г. Витте гораздо легче, чѣмъ заново составлять мысль и текстъ Платона или Аристотеля. Должны также замѣтить, что приложения къ запискѣ, представляющія литературныя и историческія справки, опущены въ настоящемъ изданіи. Мы жалѣемъ, что мы не успѣли въ состояніи опубликовать и первую записку г. Витте и объ записки Горемыкина. Но печатаемый здѣсь документъ несомнѣнно представляетъ центральную „пьесу“ министерской полемики, отличающейся къ тому же наибольшими литературными достоинствами и обнаруживая въ авторѣ замѣчательный діалектическій умъ. Замѣтимъ, что авторомъ первой записки г. Витте о земскихъ учрежденияхъ, тоже доказывавшей ихъ несомнѣтельность въ самодержавномъ строеніи, на основаніи свѣдѣній изъ самыхъ досто-
верныхъ источниковъ, называютъ профессора Демидовскаго Юриличе-

Россіи. Знаменательный фактъ! Въ эпоху, когда въ государствѣ царитъ полное спокойствіе, когда нигдѣ почти не видно смѣлыхъ и сильныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ самодержавно-бюрократическаго произвола, когда и само обвиняемое земство изъ-за каждаго легальнаго шага въ предѣлахъ своей крайне сѣуженной и послѣдовательно сѣужаемой компетенціи должно бороться съ подозрительными и придирчивыми агентами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, зорко слѣдящими за политической невинностью земцевъ, г. Витте считаетъ нужнымъ прислушаться къ скрытой работѣ стихійныхъ силъ, вырабатывающихъ въ исторической лабораторіи новыя общественно-государственныя формации, неминуемо идущія на смѣну старымъ. Не видя въ настоящемъ никакого матеріала, чтобъ забить тревогу, талантливый рабени русской бюрократіи дѣлаетъ смотръ прошлому и допрашиваетъ будущее. Онъ не пишетъ политическаго доноса на русское земство. Нѣтъ, занятіе этимъ неблагороднымъ ремесломъ онъ предоставляетъ своему коллегѣ — Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по вѣдомству Департамента Полиціи, — онъ пишетъ политическій трактатъ, въ которомъ излагаетъ философію историческаго развитія, значенія и призванія русскаго земства.

Что то зловѣщее для самодержавія чуется намъ въ этомъ безпокойномъ вниманіи, въ этомъ напряженномъ прислушиваніи къ малѣйшему шороху историческихъ силъ, враждебныхъ существующему государственному порядку. Въ противоположность слишкомъ безопаснымъ государственнымъ дѣятелямъ дореволюціонной Франціи, государственные дѣятели современной доконституціонной Россіи слишкомъ озабочены сохраненіемъ существующаго политическаго строя. Всякая мѣра взвѣшивается, всякій шагъ оцѣнивается ими съ точки зрѣнія ихъ возможныхъ политическихъ послѣдствій. Но, если все такъ полно политическаго значенія, все такъ чревато зародышами новаго политическаго порядка вещей, то

скаго Лицея въ городѣ Ярославль г. М. А. Липинскаго. Въ виду практически-общественнаго значенія такой литературной дѣятельности по заказу Министерства Финансовъ авторство г. профессора на нашъ взглядъ подлежитъ самой широкой огласкѣ. Авторъ второй записки, нами печатаемой, принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, которыхъ г. Побѣдоносцевъ не безъ остроумія называетъ „малыми преобразователями“, составляющими въ „подначальныхъ канцеляріяхъ“ проекты и записки по заказу „великихъ“ людей. Личность такого автора въ общественномъ смыслѣ не представляетъ никакого интереса и потому мы не желаемъ раскрытіемъ анонима содѣйствовать его извѣстности въ неканцелярскихъ сферахъ. Пусть авторская слава всецѣло достается вдохновителю, „великому человѣку“ С. Ю. Витте.

не стучится ли послѣдній уже въ наши двери, не созрѣлъ ли онъ уже на самомъ дѣлѣ подъ мертвеннымъ покровомъ бюрократическаго произвола, стремящагося все упорядочить, всему заранѣе опредѣлить мѣру и поставить предѣлы?

Историческое значеніе публикуемой нами записки г. Витте прежде всего и заключается въ томъ, что она является самымъ сильнымъ и умнымъ выраженіемъ этой зловѣщей дальновидности русскихъ государственныхъ дѣятелей, призванныхъ охранять русскій государственный строй, обреченный, несмотря на свою видимую крѣпость, пасть подъ напоромъ неуклонно и законно развивающихся историческихъ силъ. Что силы эти велики и что дѣйствіе ихъ безошибочно, доказывается для насъ всего болѣе тѣмъ, что онѣ замѣтны и въ маломъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не станемъ обольщаться: современное русское земство, — какъ высоко мы ни ставимъ его значеніе и заслуги — не есть политическая величина, которая своей непосредственной силой могла бы кому либо импонировать, могла бы кого либо устрашать. Лишенное самостоятельности, ограниченное въ своей компетенціи, на каждомъ шагѣ контролируемое правительствомъ, съумѣвшимъ всячески подкупить наиболѣе многочисленные и наименѣе образованные слои земельного дворянства, оно еле-еле отстаиваетъ свою скромную позицію. И тѣмъ не менѣе это умаленное, съжившееся передъ всемогущей бюрократіей русское земство опасно самодержавію.

Да, опасно! Въ этомъ заключается та неоспоримая истина, которую никто, кажется, до сихъ поръ не доказывалъ съ такою убѣдительностью, съ такою силою діалектики, какъ статсъ-секретарь Витте.

Наше согласіе съ г. Витте, наше признаніе его аргументаціи умной и правильной, его взглядовъ вѣрными не означаетъ того, чтобы мы считали его атаку противъ земства шагомъ умнымъ и полезнымъ для самодержавія. Мы, считающіе переходъ къ конституціонному порядку вещей глубоко назрѣвшей потребностью современной Россіи, мы, видящіе въ борьбѣ за политическую свободу для сознательныхъ современныхъ людей Россіи ихъ Аннибалову клятву, столь же святую, какъ нѣкогда борьба за освобожденіе крестьянъ для людей сороковыхъ годовъ, мы можемъ во всемъ живомъ и жизнеспособномъ въ Россіи видѣть губительные для самодержавія зародыши конституціи. Но тѣ, кто защищаютъ самодержавіе — по внутреннему ли призыванію или по должности министра — становясь на такую точку зрѣнія, дѣлаютъ

признание, циническая откровенность которого вряд ли может быть полезна для защищаемого имъ дѣла.

Г Витте ясно видитъ, что земство никакой непосредственной опасности для существующаго порядка не представляетъ, что оно опасно только въ силу исторической тенденціи своего развитія, — какъ зародышъ конституціи. За это, только за это оно должно быть обречено на гибель. За свое будущее значеніе оно со вѣмъ своимъ огромнымъ практическимъ дѣломъ, блистательно заявившимъ и продолжающимъ заявлять себя, должно быть отдано въ жертву молоху настоящаго — самодержавію. Таковъ основной смыслъ записки статсъ-секретаря Витте. Мы думаемъ, что никогда ни одинъ ни либеральный, ни революціонный писатель не произносилъ такого уничтожающаго вердикта надъ русскимъ самодержавіемъ, какъ статсъ-секретарь Витте, ради сохраненія самодержавія требующій упраздненія земства. Всякій искренній идеалистическій поклонникъ самодержавія не иначе, какъ съ чувствомъ глубокой скорби и даже омерзенія будетъ читать ту убійственную критику, которой г. Витте подвергаетъ политическую мечту славянофиловъ объ единеніи царя съ землею, о совмѣстности съ самодержавіемъ широкаго самоуправления. Концупственнымъ надругательствомъ и оскорбленіемъ любимой идеи должны отдаваться въ ухахъ этихъ идеалистовъ насмѣшки надъ вѣрою ихъ учителей и рѣшительное признаніе, что самодержавіе и господство совершенно безответственной передъ народомъ бюрократіи — едино суть.

Въ самомъ дѣлѣ, отрицувъ самоуправленіе, какъ несомѣстимое съ самодержавіемъ начало, г. Витте вынужденъ выступить съ самой откровенной апологіей бюрократіи. Отождествляя самодержавіе (при современныхъ условіяхъ техники, хозяйства и вообще всей культуры) съ господствомъ бюрократіи, г. Министръ Финансовъ совершенно правъ. Но это — правда, которая „хуже всякой лжи“ Этой правдой съ самодержавія срывается его самое нарядное идеальное облаченіе, которымъ до сихъ поръ постоянно украшали самодержавіе, какъ его искренніе почитатели, такъ и купленные слуги.²

² „Чѣмъ болѣе развито самоуправленіе — писалъ недавно извѣстный публицистъ „Новаго Времени“ г. Сигма-Сыромятниковъ (въ ст. „Опыты русской мысли“, ноябрь 1900 г.) — тѣмъ ближе самодержавная власть къ народу, ибо при развитомъ мѣстномъ самоуправленіи она проводится въ народъ не посредствующими третьими лицами, воеводами, думцами, дьяками и подьячими, а тѣми же представителями народа, его изблбленными головами, которые видятъ въ полномъ царской власти полноту народныхъ правъ, народной воли и народной чести. Для того, чтобы быть близкой

Въ своемъ трезвомъ реализмѣ г. Витте безжалостно упраздняетъ всю поэзію самодержавія, и отъ него остается одна голая — бюрократія. Записка г. Витте представляетъ обстоятельный политическій комментарий къ тому „грубому окрику“, который Николай II 17-го января 1895 г. бросилъ въ лицо русскимъ земскимъ людямъ. Въ этой памятной рѣчи Императоръ Николай II, по справедливому выраженію автора „Открытаго письма“ къ нему, „задалъ обществу такой вопросъ, одна ясная и гласная постановка котораго есть уже угроза самодержавію“. Черезъ нѣсколько лѣтъ г. Витте составляетъ подробно мотивированный и исчерпывающій отвѣтъ на роковой вопросъ, поставленный рѣчью 17-го января: здѣсь умѣлой рукой окончательно срываются идеальныя покровы съ современнаго самодержавія и, можно сказать, съ научной ясностью и убѣдительностью вскрывается его истинное существо и тѣмъ самымъ выбалтывается его тайна. Конечно, записка статсъ-секретаря Витте не предназначалась для общества, и только наша нескромность извлекла ее на свѣтъ Божій, какъ драгоценное орудіе просвѣтлѣнія политическаго сознанія. Однако, съ такой несчастной случайностью г. Витте долженъ былъ напередъ считаться. Но онъ, очевидно, увѣлся своей ролью дальновиднаго охранителя самодержавія, который въ трезвомъ пониманіи дѣйствительности сознательно выбрасываетъ за бортъ всякія идеальничанья и говоритъ одну только — правду. Впрочемъ, роль глашатая правды онъ не выдерживаетъ.

Мы цѣнимъ произведеніе г. Витте не только за его правду о самодержавіи, но также и какъ драгоценный политическій аттестатъ, выданный земству самой бюрократіей. Этотъ аттестатъ служить превосходнымъ отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ, кто по недостатку политическаго образованія или по увлеченію революціонной фразой не желалъ и не желаетъ видѣть крупному народу и дѣйствовать на народъ, самодержавная власть должна имѣть постоянное общеніе съ народомъ, иначе самодержавіемъ станутъ посредствующія звенья и царь будетъ царствовать, но не управлять. Для полноты самодержавія необходимо включеніе земскихъ людей въ государственную думу, дабы они самому государю въ присутствіи слугъ и совѣтниковъ могли быть челомъ о своихъ нуждахъ.“ (Новое Время отъ 5-го ноября). Въ цитируемыхъ статьяхъ г. Сыромѣтникова „Новое Время“ рѣшительно рекомендовало правительству Николая II встать на тотъ самый путь, на который при Лорисъ-Меликовѣ готовилось встать правительство Александра II и который, какъ правильно доказываетъ г. Витте, обозначалъ замаскированный переходъ къ конституціонному строю. Мы желали бы, чтобы „Новое Время“, вмѣсто полемики съ княземъ Мещерскимъ, изложило бы и подвергло критикѣ государственную доктрину статсъ-секретаря Витте, изложенную въ печатаемой запискѣ.

наго политическаго значенія русскаго земства и его легальной культурной дѣятельности.^{2а}

Съ другой стороны мы желали бы, чтобы Записка статсъ-секретаря Витте окончательно раскрыла глаза всеѣмъ участникамъ земской работы на глубокую внутреннюю связь, существующую между культурными задачами земства и его политическимъ призваніемъ. Необходимо и съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе необходимымъ, чтобы культурная земская работа, совершаемая изо дня въ день и слагающаяся изъ множества мелкихъ начинаній и дѣлъ, объединялась и вдохновлялась ясной политической идеей. Тѣмъ, кто еще не усвоилъ себѣ эту идею, кто еще бродитъ въ потьмахъ, думая, что мѣстная и культурная работа сама по себѣ, а всероссійскія и политическія задачи сами по себѣ, мѣстныхъ работниковъ не касаются и суть, пожалуй, даже выдумка праздныхъ политикановъ и журналистовъ, тѣмъ произведеніе г. Витте можетъ сослужить большую службу, давъ надлежащій толчокъ ихъ политическому мышленію и раскрывъ политическое значеніе ихъ собственной дѣятельности. Это очень важно: чѣмъ болѣе бюрократія будетъ наступать на земство, тѣмъ больше со стороны послѣдняго потребуются сознательности и рѣшительности для того, чтобы удержатъ свою позицію, свое право на самостоятельное существованіе.

Мы уже отмѣтили дѣловое пристрастіе г. Витте къ „низкимъ истинамъ“ и его презрительное отношеніе къ „возвышающему обману“. Но, помимо этого общаго увлеченія истинной, отъ опасности которой онъ потомъ самъ принужденъ искать спасенія у лицемѣрія, г. Витте особенно увлекается истиной, неприятной для Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Г. Горемыкинъ, а съ нимъ вмѣстѣ министерство внутреннихъ дѣлъ, т. е. въ сущности само русское правительство прямо падаетъ подъ убійственными ударами ироніи и обличеній статсъ-секретаря Витте. Г. Витте даетъ превосходную характеристику политики правительства по отношенію къ земству, какъ политики непоследовательности, двуязычія и трусости. Эта характеристика должна стать классической: рукою г. Витте на челѣ русской самодержавной бюрократіи выжжено неизгладимое клеймо. Никогда, кажется, еще изъ устъ представителя самодержавной власти не исходило такой искренней, а потому неотразимо убѣдительно хулы на дѣйствительное осуществленіе этой власти ея истинными обладателями — министрами.

^{2а} Этими словами мы вовсе не хотимъ задѣть революціонныхъ дѣятелей, въ которыхъ нельзя не цѣнить прежде всего нравственнаго мужества въ борьбѣ съ произволомъ.

Государственная политика въ царствованіе Николая II заслуживаетъ еще болѣе суроваго осужденія съ нравственной и политической точки зрѣнія, чѣмъ „черный передѣлъ реформъ Александра II“ при Александрѣ III. Когда въ концѣ 70-хъ годовъ кучка самоотверженныхъ интеллигентовъ-соціалистовъ вступила въ террористическую борьбу съ режимомъ политическаго произвола, представители послѣдняго постоянно подчеркивали, что, жестоко подавляя террористическое движеніе и ограничивая при этомъ самыя элементарныя права общества и личности, государственная власть спасаетъ общество отъ „анархіи“ и обезпечиваетъ ему путь мирнаго развитія на почвѣ законности. Теперь революціоннаго движенія въ той формѣ и въ томъ смыслѣ, которые могли бы давать хоть тѣнь нравственнаго и политическаго оправданія³ грубому попранію правъ челоуѣка и общества, нѣтъ, о томъ насильственномъ переворотѣ, который предносился дѣятелямъ „Народной Воли“, никто серьезно не помышляетъ. И что же? За отсутствіемъ революціи правительство Николая II, получивъ себѣ въ наслѣдство законченный консервативный пересмотръ реформъ Александра II, но, не довольствуясь этимъ наслѣдіемъ, стало вести систематическую борьбу съ легальными стремленіями русскаго общества, подозрѣваемыми въ конечной политической „неблагонадежности“. Это — борьба уже не съ политически-сознательными и не съ революціонными, а съ вполне мирными и подчасъ даже дѣйствующими безъ всякой ясной политической мысли общественными силами. Современное русское правительство какъ бы призываетъ къ отвѣту стихійныя историческія силы и ставитъ имъ въ упоръ сыщицкій вопросъ: соотвѣтствуютъ ли онѣ Высочайшей Волѣ 29-го апрѣля 1881 г. и 17-го января 1895 г. Такимъ образомъ, если главнымъ политическимъ призваніемъ правительства Александра III въ первые годы его царствованія явилась борьба во имя самодержавія съ насильственной революціей народовольцевъ, то правительство Николая II основное свое призваніе видитъ въ систематической борьбѣ съ легальной эволюціей русскаго общества. Преслѣдованія земства, т. е. мѣры управленія и законодательства, направленные прямо на полное упраздненіе его, какъ самостоятельнаго общественнаго учрежденія, трусливыя и нагло попирающія даже имущественныя права стѣсненія печати, такія же стѣсненія частныхъ (ученыхъ и практическихъ) обществъ,

³ Мы, конечно, не признаемъ и этой тѣни. Въ террорѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ виновно правительство, съ дикой жестокостью преслѣдовавшее соціалистовъ, а вмѣстѣ съ ними и все общество.

стремленіе поставить всякое ихъ дѣйствіе подѣ контроль и опеку правительственныхъ органовъ, вся эта возмутительная политика есть организованное насиліе оптомъ и въ розницу противъ строго легальнаго развитія русскаго общества. Бѣда этого развитія въ томъ, что оно имѣетъ несчастье въ конечномъ счетѣ быть опаснымъ бюрократическому режиму, поддерживаемому подѣ популярной кличкой самодержавія. Мы не знаемъ въ исторіи ничего болѣе презрѣннаго и болѣе безправственнаго, чѣмъ это, тянущееся цѣлые годы, политическое негизаніе мирнаго общества, плохо даже сознающаго, что его сознательная культурная работа подтачиваетъ государственный строй и потому не понимающаго, что его мучаютъ на основаніи цѣлой государственной программы, состоящей въ возведеніи Высочайшей Воли 29-го апрѣля 1881 г. и 17-го января 1895 г. въ непрекаемый законъ, которому должно подчиняться общественное развитіе русскаго народа. Мы бы хотѣли, чтобы каждому думающему и чувствующему человѣку чтеніе предлагаемой записки раскрыло глаза на вопіющую безправственность этой мучительской политики, приносящей въ жертву отвлеченному принципу самодержавія и самовластнымъ аппетитамъ Министровъ наиболѣе жизненные интересы народа и самую возможность ихъ законнаго удовлетворенія на почвѣ постепеннаго расширенія правъ личности и общества.

До сихъ поръ мы, соглашаясь съ г. Витте, что истинное самоуправленіе несомнѣнимо по исторической тенденціи своего развитія съ самодержавно-бюрократическимъ строемъ, выясняли политическое и моральное значеніе этого циничнаго признанія въ устахъ защитника самодержавія. Такой цинизмъ самъ позоритъ защищаемыя начала государственной жизни и съ нимъ однимъ въ его первобытной наготѣ, чувствовалъ г. Витте, выступать — неловко.

Поэтому въ помощь цинизму онъ призываетъ лицемѣріе. Обращаемъ вниманіе читателя на стр. 194—196 Записки, гдѣ товарищъ по министерству гг. Побѣдоносцева, Муравьева, Боголѣпова и Сипягина, статья-секретарь Витте объявляетъ себя сторонникомъ „господства закона и права“, „свободы и самостоятельности личности“ и вытекающей изъ нея „самодѣятельности общества“, гдѣ онъ говоритъ противъ „произвольныхъ арестовъ“, противъ „учрежденія исключительныхъ судовъ“, противъ „стѣсненія свободы передвиженія, а также свободы труда, совѣсти и мысли“. Насъ удивляетъ, какъ

д. т. с. Горемыкинъ не назначилъ послѣ этихъ рѣчей полицейскаго надзора насъ статсъ-секретаремъ Витте и не распорядился арестовать черезъ полковника Пирамидова этого злоуреднаго конституционалиста!

Ибо, въ самомъ дѣлѣ, г. статсъ-секретарь, если земское самоуправленіе по Положеніямъ 1864 и 1890 г. есть историческій зародышъ русской конституціи, то вы, предлагая упразднить этотъ зародышъ, проектируете взамѣнъ его дать Россіи огромный кусокъ вполне готовой конституціи. Къ сожалѣнію мы знаемъ, что вы ничего не хотите дать, что въ вашихъ рукахъ ничего нѣтъ, что вы только цвиряетесь громкими и пустыми, воистину лицемѣрными словами въ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который произвелъ бы цѣлую мирную, но великую революцію въ Россіи, если бы задумалъ въ серьезъ осуществить хоть одну десятую пышной предлагаемой вами политической программы.

Мы предлагаемъ вамъ, г. Витте, сдѣлавшись Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, произвести опытъ частичнаго, но серьезнаго осуществленія вашей программы. Въ частности мы предлагаемъ Вамъ провести слѣдующія мѣры:

1. Въ интересахъ „свободы мысли“ (подъ которой, конечно слѣдуетъ разумѣть свободу печати и общенія, потому что способствъ стѣсненія свободы мысли въ собственномъ смыслѣ слова никому даже въ Россіи не удавалось изыскать по физической неосуществимости такой затѣи) замѣнить концессионный порядокъ открытія всѣхъ періодическихъ изданій явочнымъ и возстановить судебный порядокъ задержанія и уничтоженія произведеній печати въ томъ объемѣ, къ какому онъ былъ установленъ въ первоначальномъ текстѣ „Временныхъ Правилъ“ 1865 г.

2. Въ интересахъ „господства права и закона“ отмѣнить суммарно-административный порядокъ разсмотрѣнія такъ называемыхъ политическихъ преступленій и ввести безусловную обязательность разсмотрѣнія этихъ дѣлъ судомъ (не военнымъ); отмѣнить дѣйствіе „Положенія объ усиленной охранѣ“.

3. Въ интересахъ „свободы совѣсти“ ввести для всѣхъ русскихъ подданныхъ свободу выбора вѣры, устранивъ совершенно наказуемость отпаденія отъ православія и такъ называемаго „свораченія“ изъ него въ другую вѣру.

4. Въ интересахъ „свободы труда“ установить полную свободу и ненаказуемость хозяйственныхъ стачекъ и союзовъ рабочихъ.

Довольно, г. Витте! Когда вы осуществите эту часть вашей (и нашей) программы, вамъ придется предложить Его Им-

ператорскому Величеству созваніе учредительнаго собранія представителей русскаго народа, ибо конституціи могутъ развиваться постепенно и органически, но не могутъ быть даваемы народамъ по кускамъ. Всякому, кто пожелаетъ рекомендовать такую политику, придется убѣдиться въ ея крайней трудности, невыгодности и прямо невыполнимости. Но, если вы раньше упраздните земство въ Россіи, а потомъ расширите права личности, то вы окажетесь лишеннымъ лучшаго случая дать странѣ умѣренную конституцію, исторически выросшую на основѣ мѣстнаго самоуправленія съ сословной окраской. Дѣлу консерватизма въ всякомъ случаѣ окажете очень плохую услугу.

Впрочемъ, если бы вы, сдѣлавшись Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, вздумали на самомъ дѣлѣ явиться реформаторомъ въ выше описанномъ родѣ, то всего вѣроятнѣе вамъ тотчасъ же предложили бы подать въ отставку и вмѣсто васъ призвали бы вновь одного изъ многихъ ждущихъ очереди Горемыкиныхъ или Сипягиныхъ, сказавъ ему: „Тяни, братецъ, — такъ и быть съ земствомъ — прежнюю бюрократическую кашитель, но съ правами личности не заигрывай, къ добру не приведетъ!“

Въ самомъ дѣлѣ, все сказанное отнюдь не было шуткою, а выражало наше глубокое научное и практически-политическое убѣжденіе. Вкратцѣ, оно сводится къ слѣдующему. Конституція вовсе не состоитъ въ одномъ только парламентаризмѣ или участіи народныхъ представителей въ законодательствѣ.⁴

Не менѣе важную — и исторически, и по существу — часть конституціи составляютъ незыблемыя гарантированныя закономъ права личности. Абсолютизмъ, по своему юридическому составу тождественный съ деспотизмомъ,⁵ отличается отъ конституціонализма не только организаціей законодательной власти, но и отсутствіемъ огражденныхъ закономъ противъ посягательствъ правительства публичныхъ правъ личности и общественныхъ союзовъ. Поэтому то тамъ, гдѣ, какъ

⁴ Мы употребляемъ здѣсь слово парламентаризмъ въ его болѣе широкомъ смыслѣ, подразумывая подъ нимъ участіе выборныхъ представителей народа въ законодательствѣ. Часто подъ парламентскимъ правленіемъ подразумывается специально зависимость исполнительной власти отъ парламентскаго большинства, обуславливающая собой обязательное призваніе довлѣнныхъ лицъ этого большинства въ министерство. Такого парламентаризма нѣтъ ни въ Австріи, ни въ одномъ изъ государствъ Германіи, ни въ Германской Имперіи.

⁵ Большинство русскихъ государствовѣдцовъ, съ Градовскимъ во главѣ, сознательно или бессознательно прирашивая нашъ политическій строй, не признаютъ юридическаго тождества между абсолютизмомъ и деспотизмомъ.